

Владимир Устинов

ОСКОЛКИ КРАСНОГО СОЛНЦА

Владимир Устинов

Осколки Красного солнца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19052844

ISBN 9785447488383

Аннотация

«Киньлокш» – векоход, на котором Вика с друзьями из 5 «а» класса отправились в далёкое путешествие во времени и пространстве. «Смотрите, начинается Великая катастрофа олигоцена!» – воскликнул Павел Николаевич. О путешествии ребят в глубь веков за тайнами янтаря, о поисках экспонатов для школьного музея и легенд о солнечном камне рассказывает автор в этой книге.

Содержание

Загадочный алатырь- камень	5
На «Киньлокше» в глубь веков	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Осколки Красного солнца

Владимир Устинов

© Владимир Устинов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Дорогой маме посвящает автор эту книгу

Аннотация

«Киньлокш» – векоход, на котором Вика с друзьями из 5 «а» класса отправились в далёкое путешествие во времени и пространстве, – резко накренился и стал падать. Красно-багровый мрак окутал кабину. «Смотрите, смотрите, начинается Великая катастрофа олигоцен!» – воскликнул Павел Николаевич. Внизу бушевал океан, столбы огненной лавы били из морской пучины, ломались на берегу огромные сосны, истекали янтарным соком... О путешествии ребят в глубь веков за тайнами янтаря, о поисках экспонатов для школьного музея и легенд о солнечном камне рассказывает автор в этой книге.

Загадочный алатырь- камень

След колесницы

В пятом «А», как всегда перед уроками, стоял гул. Мальчишки шумно обсуждали вчерашний футбольный матч на совхозном стадионе, звонкоголосая девочка за партой объясняла задачу по математике сразу троим. Кто-то громко декламировал Пушкина, сбиваясь на каждой строчке, кто-то рассказывал соседу по парте последнюю серию телефильма...

Миша ничего не слышал: он читал потрепанную книжку, и мысли его были далеко. Он ерошил свои соломенного цвета волосы, вместе с героями древнего мифа уносился в фантастические путешествия.

«...Ты обещал, отец! Ты говорил, что выполнишь любую просьбу! Не отказывай, позволь промчатся по небу на солнечной колеснице!» – Фэтон жмурится от слепящего блеска лучезарного венца, но не отворачивается, не отводит глаз от хмурого лица Гелиоса. «Не удержать тебе горячих коней! Не найти дороги в безбрежном воздушном океане! – насупленные брови бога Солнца сходятся на переносице. – Ведь ты же смертный! Даже боги, могучие и бессмертные боги, не в силах управлять моей колесницей! Не награды просишь, а страшного наказания! Я не хочу быть причиной твоей гибели!»

Но Фаэтон не слушает отцовских слов. Обняв Гелиоса, просит и просит его. Очень хочется Фаэтону промчаться по небу, взглянуть с огромной высоты на материки и океаны, хоть на миг почувствовать себя богом. «Хорошо, я сдержу обещание, – грустно соглашается Гелиос. – Но я думал, что ты разумнее!»

Миша оторвался от книги и, не обращая внимания на шум в классе, задумчиво поглядел в окно. «Эх, мне бы прокатиться на такой колеснице. Страшновато, но всё равно, здорово! Промчаться, как на ракете, над всем земным шаром и над школой тоже, и над поселком».

Сеня, его сосед по парте, соединял цветные проволоочки, испытывал проводимость графита.

– Ну-ка, Миш, прижми здесь, – толкнул он размечтавшегося друга.

– А? Что? – встрепенулся Миша. – Это ты со своей схемой!.. Все мысли распугал.

Сеня перевернул книгу, прочитал название: «Легенды и мифы Древней Греции».

– Кажется, пятый раз берешь?

– Шестой. Знаешь, как здорово! Попробуй, не оторвешься! – Миша снова открыл книгу и принялся читать дальше.

«Открывает небесные ворота розовопёрстая Эос. Звенят удилами, храпят могучие кони, от нетерпения вскидывают гривастые головы. Легко прыгает в колесницу беззаботный Фаэтон, радостно смотрит на отца, благодарит его. «Где

ты, Эпаф? – мысленно восклицает он. – Где ты, вздорный и глумливый сын Зевса? Взгляни на меня! Ты смеялся надо мной, ты не верил, что я сын бога! Посмотри – сегодня я буду Солнцем, на моей голове лучезарный венец Гелиоса! Тебе никогда не надеть его! Посмотри на меня и лопни от зависти и злости!»

«Помни мои последние наставления! – слышит он печальный голос отца. – Не гони лошадей, но и не отпускай поводьев! Твердо, очень твердо стой в колеснице. Не стремись подняться слишком высоко – ты можешь сжечь небо, но и низко не опускайся, чтобы не спалить землю. Пора... Ночь уже покинула небо. Покрепче держи вожжи, не давай лошадям свернуть с дороги. Но послушай! Откажись от своего решения – оно может принести тебе смерть, а Земле – страшное разорение. О, дай мне самому светить Земле, не губи себя!»

«Но Фэтон лишь смеется в ответ и трогает поводья. Легко подхватывают огнедышащие кони золотую колесницу, сквозь серебристый туман мчатся круто в небо.

Ликованием и радостью переполняется сердце Фэтона. Не думает он о смертельной опасности, не гнетет его бремя ответственности. Он упивается своим блеском, своим мнимым величием!»

«Зря это, зря! – переживает Миша. – Не может править, не знает дороги, да и силенок маловато! Эх, мне бы! Уж я бы не оплошал! Намотал бы вожжи на кулак, пусть дорога от-

весно взбирается вверх! Пошире ноги. Ходу! Чтоб ветер ударил в лицо! Ослепительным вихрем промчимся по небу!...»

– Миш, горит, смотри! – покрытое веснушками лицо Сени светится радостью. – Проводит все-таки!

Подожди! – отмахивается от него Миша и лохматит свои жёсткие волосы. – Сбил на самом интересном!

В класс вошла Вика, высокая тоненькая девочка. В ее черной косе пышной астрой белел бант. Если бы кто-нибудь присмотрелся, то непременно увидел, что Вика радостно взволнована. Она села рядом с Катей, о чем-то зашептала ей на ухо.

– А ну покажи. Сочиняешь, знаю!

– Застрекотали над ухом! – возмутился Миша. – Вот сороки!

– Вика, знаешь, что выдумала? – обратилась к нему Катя. – Говорит, камень у нее живой! Покажи! Или боишься – улетит?

– Смотри! – Вика держала в руке морщинистый, густо-медового цвета комочек.

Казалось, переливается внутри солнечный жар, пробивает на бугорках просветленно-желтым светом, теплится в темных складках.

– Фи, какой же он живой! Даже не шевелится!

– А бумажку притягивает. Видишь, ожила!

– И правда, ползет...

– А вот еще, – Вика повернула камешек другой стороной,

и гладкая, как зеркало, плоскость заиграла переливами глянцево-медовых бликов. Можно было, словно сквозь стекло, посмотреть внутрь самоцвета.

– Он так похож на волшебный! – сказала Катя.

– Это янтарь, древняя застывшая смола деревьев, – пояснила Вика. – В шторм много таких янтариков выбрасывает на берег. – А добывают его в карьере. Мне папа его привез, он в Янтарный ездил по делам, там ему подарил художник. Правда, красивый? И внутрь заглянуть можно!

– Смотри, интересно! – Миша подтолкнул своего друга.

– Поосторожнее нельзя? – рассердился Сеня: у него графит отлетел в одну сторону, батарейка в другую. – Подумаешь! Мало ли на свете всяких камней! Рубинов да алмазов...

– А ты покажи хоть один! – обернулась к нему Вика.

– Ой, мальчишки! – всплеснула руками Ката. – Вы только подумайте! Вот облачко, туман плывет, а в нём какие-то тени!

– Дай посмотреть, – попросил Миша. – Не бойся!

Янтарь был легким, и в нем сохранилось тепло Викиной ладонки. Миша прищурил глаза, вглядываясь в красноватую загадочную глубину. Янтарик и впрямь казался живым. Вбирал солнечный свет, наливался шафранным соком, играл мягкими переливами всевозможных оттенков: красновато-желтых, нежно-медовых, веселых, как солнечные зайчики. Миша поворачивал ладонь, и казалось, что внутри самоцвета все потихоньку движется: плывет белое облачко, ту-

ман то сгущается, то рассеивается, и встают за ним будто горные хребты. А может, это облака клубятся над горизонтом? А вдруг эти янтари – кусочки колесницы, которой правил Фаэтон? Когда без дороги понесли его кони, когда испугался он страшных небесных зверей – Тельца, гигантского Льва, Кентавра – задрожали у него колени, тьма заволокла очи. А когда увидел, что несутся кони к Скорпиону, покрытому темным ядом, потрясающему смертоносным жалом, – обезумел от страха, выпустил вожжи. Почувыв свободу, еще быстрее понеслись кони. То взвиваются они к звездам, опалая нежный небесный шелк, то мчатся над самой землей. Пламя колесницы обжигает землю. Вспыхивают леса, закипает море. И вот уже гибнут большие богатые города, гибнут целые племена. Все объято пламенем и дымом, не видит Фаэтон, куда едет. От жары трескается Земля, палящий луч солнца проникает в мрачное подземное царство.

Разгневалась великая богиня Гея – Земля:

«О величайший из богов, Зевс-громовержец! Неужели должна я погибнуть? Неужели все вернется в первобытный хаос?»

Услышал её Зевс. Грозно взмахнул рукой, бросил сверкающую молнию в колесницу. Она взметнулась высоко в небо, сжигая все живое на пути. Загорелись волосы Фаэтона, его одежда. От сильного жара лопнули золотые обручи на колесах, кузов развалился на мелкие кусочки. Долго сыпались с неба горящие обломки колесницы. Те, что падали в мо-

ре, – остывали, превращались в янтарь. Те, что рассеялись по небу, – замерцали серебристой пылью, голубыми каплями-звёздами, – рисовалось в Мишином воображении.

Много событий протекло с той поры: стирались с лица Земли города, возвышались и умирали государства, рождались новые народы. Но осталась в памяти людей легенда о Фаэтоне, о разбитой колеснице... Напоминают о ней кусочки древней смолы, да туманная полоса Млечного пути в ночном небе...

– Миша, Миш! Уснул, что ли? Я тоже хочу посмотреть, – Катя взяла янтарь у него из руки.

Она рассматривала его со всех сторон, восхищенно охала, улыбалась, и на ее щеках появились ямочки. Ребята столпились вокруг Кати и Вики: каждому хотелось взглянуть на чудо-камень, поддержать его в руках.

– Посмотри, какой внутри песочек – вот здесь, с краю, и здесь, в ямочке, – девочка протянула самоцвет Вике. – Будто искры горят!

– Ага, видел? – Вика повернулась к Сене. В каком рубине есть такое?

– Рубин – камень особый, – не отрываясь от схемы, ответил Сеня. – Примеси в нем недопустимы, особенно песочные! Из него лазеры делают!

– И янтарь – особый! Скажешь, нет? Изоляторы для сверхточных приборов, думаешь, откуда берутся? И на полях без него не обойтись! Из него делают ну, этот... биоген-

ный стимулятор!

– Ты откуда знаешь?

– Отец вчера рассказал! Если этим стимулятором, то есть, янтарной кислотой, опрыскать семена пшеницы, то она...

– Засохнет на корню, – перебил Сеня.

– И не угадал! Раньше заколосится, даст больше зерна и к болезням будет устойчивее.

– Сдаюсь, сдаюсь!.. Может, он и вправду хорош.

– Да не янтарь это! – возразил Шурик. – У моей бабушки бусы есть и брошка из янтаря. Так он совсем другой: гладкий и белый, как кость, да еще с мелкими завитушками. Как будто в него попала желтая краска и ее плохо размешали.

– Отец не будет обманывать! – Вика покраснела от возмущения. – Может у бабушки твоей не янтарь?

– У бабушки – да, у тебя – нет! Подделка какая-нибудь!

В этот момент в класс вошел Павел Николаевич.

Слезы о погибших героях

– Расшумелись, как грачи на пашне! – громко сказал Павел Николаевич и надел толстолинзовые очки. – Звонка-то на вас нет!

– Тише, тише! Физик уже в классе, – зашептали ребята и, подталкивая друг друга, разбежались по местам.

Одна Вика, разгоряченная спором, что-то доказывала Шурику.

– Вика, Вика! – удивился Павел Николаевич. – Что с то-

бой?

– Пусть не придирается! – запальчиво ответила она, прикладывая ладони к лицу. – У меня янтарь настоящий! Ой, Павел Николаевич! Извините! – Вика села за парту.

– О! У тебя янтарь? – заинтересовался учитель.

– Еще какой! Глаз не оторвешь! – ответила за Вику Катя. – Песочек внутри – словно угольки горят, есть и облачко, и туман – все там! Шурец-огурец говорит – не янтарь! Мы и заспорили!

– Что ж, сегодняшний наш урок поможет отыскать истину, – учитель прошелся по классу. – Тема – полезные ископаемые Калининградской области. Ну-ка, посмотрите сюда! – Павел Николаевич быстро поднял руки над головой. – Что вы видите?

– Желтое стеклышко! Что-то красивое! Да это янтарь!

– Правильно. Но никто не заметил, что у меня еще и кусочек бурого угля. Это тоже ископаемое нашей области, очень нужное и полезное, правда, не такое красивое, как маленький самоцветик.

Янтарь привлек ваше внимание и вполне заслуженно. Очень интересен этот органический минерал. И не только внешним видом, но и многим другим. Ну, хотя бы спросим себя – где добывают полезные ископаемые?

В рудниках, в горах находят, шахты делают, чтобы уголь доставать! – наперебой подсказывали ребята.

А еще? Ну-ка, думайте, вспоминайте!

Ребята переглядывались, пожимали плечами.

– А еще – в море! Рыболовной сетью! – лицо учителя было серьезным, но по классу пробежал веселый шумок. – Да-да! Наш балтийский янтарь, еще совсем недавно, в XVIII – XIX столетии, добывали именно так! Когда на море появлялись крупные поля плавающих водорослей, а это случилось после бурь, люди садились в лодки, большими сачками вылавливали его из плавучих островков. Собирали янтарь и на берегу – на отмелях, на пляжах, куда его выбрасывал морской прибой. Удивительное дело, а? Идешь купаться, а тебе навстречу кусочки янтаря, будто стайки золотых рыбок! – Павел Николаевич помолчал, ожидая, когда уляжется шум, и заговорил снова. – Вот вам еще загадка. Как, откуда он взялся, этот чудесный самоцвет? В былые времена о его происхождении ожесточенно спорили. Многие предлагали свою теорию, и каждый с горячностью ее отстаивал! Для одних янтарь – это морская пена, засохшая на солнце, для других – застывшая амбра давно исчезнувших китов, для третьих – окаменевший нектар лесных муравьев. Некоторые даже утверждали, что это загустевший солнечный эфир!

– Да! Загустевшие комочки солнечного огня! – вырвалось у Миши. – След разбитой колесницы!

– Ты про легенду о Фаэтоне? Но ведь там не колесница, а слезы Гелиад-тополей превращаются в янтарь?

– Ну-у, разве бывают такие слезы – с кулак!

– Ты забыл, что это не девичьи слезы, а капли, натеки

древесной смолы. Откуда же слезы, спросите вы. Суть дела в том, что многие кусочки янтаря похожи на застывшие капли. Так оно и есть: это застывшие капли. Наши праотцы, люди наблюдательные и сметливые, сделали из этого вывод: — янтарь — это слезы и не просто, а слезы о погибших героях! Это мы видим и в мифе о Фаэтоне, и у древнегреческого драматурга Софокла. У Софокла погибшего героя Мелеагра оплакивают загадочные индийские птицы, их слезы превращаются в каплевидные самоцветы. В легенде о Фаэтоне есть очень верная, реалистическая мысль о растительном происхождении предмета нашего разговора. Но, как это часто бывает, об этом забыли, а может, не приняли всерьез или не обратили внимания. В одно время прочно утвердилось мнение Агриколы, средневекового ученого. Он утверждал, что янтарь — это затвердевший, неясного происхождения, битум, который выдавливался когда-то из недр земных. Впервые доказательно обосновал свою идею образования янтаря наш Михайло Васильевич Ломоносов, — учитель подошел к столу, взял тетрадь. — Вот послушайте, что он пишет в своем труде «О слоях земных».

«Посмотрим на место, где янтарь находят. Прусские берега особенно показывают, что ловят его сетками на отмелях местах, после сильных ветров. Волны и ветры из глубины дна морского ничего не поднимают, что в воде утопает. В Италии случается янтарь, где достают нефть. Но она происходит из торфа и каменных углей, а сии лежат с опровер-

женными лесами. Все сие показывает, что янтарь есть происхождение царства растений». – Павел Николаевич сделал паузу. – Вот вам, ребята, и связь между легендой о Фаетоне и научным представлением об образовании балтийского самоцвета. Не случайно Ломоносов перевел на русский язык стихи римского поэта Марка Валерия Марциала, жившего в первом веке до нашей эры:

В тополевой тени гуляя, муравей

В прилипчивой смоле завяз ногой своей.

Хоть у людей был в жизнь свою презренный.

По смерти, в янтаре, у них стал драгоценный!

А он и похож на древесный клей! – задумчиво сказала Вика, расплетая и заплетая кончик черной косы. – На вишнях такой бывает, его даже жевать можно! И на соснах, особенно в жару, выступает!

Итак, загадка происхождения янтара расшифрована. Но он от этого не стал менее таинственным. Не открыт его главный секрет – тайна его ласкового, мягкого влияния на чувства людей.

Миша смотрел на учителя и ничего не слышал. Перед его глазами рассыпалась огненными брызгами небесная колесница. Плакали золотистыми слезами тополя, плакали похожие на павлинов птицы со смуглыми женскими лицами. Не потому ли притягателен янтарь, что сокрыто в нем извечное человеческое сердоболіе?..

«Смотрите, плавает!»

– Очень интересны физические свойства солнечного камня, – продолжал свой рассказ учитель. – Взять, хотя бы внешние признаки – его форму, цвет, прозрачность. Нет двух одинаковых янтариков. Как же определить – какой хуже, какой лучше?

– Разделить по сортам! – подсказал Сеня.

– Правильно! Так и сделали, а результат – двести сортов! Его различали не только по цвету или прозрачности, но и по весу, даже по форме кусков. Хочу особо подчеркнуть богатое разнообразие оттенков янтаря. Все переходы и переливы невозможно сосчитать! И хотя он не стоит в ряду драгоценных камней таких, как алмаз, рубин, изумруд, однако, и у него есть «княжеский титул». Вам, наверно, приходилось слышать: уголь – это черное золото, хлопок – белое золото. Есть еще балтийское золото – это о янтаре.

– Что ж, он совсем не драгоценный? – разочарованно протянула Вика. – Ну и пусть! Мне он все равно нравится!

– И мне! – запальчиво сказала Катя.

– Каждому полю – своя ягода! – улыбнулся Павел Николаевич. – И янтарь хорош, и алмаз. Где-то и булыжник незаменим, а?

По классу пробежал веселый шумок.

– Теперь скажем – нужно ли спорить Шурику с Викторией?

– Чего спорить? Ясно – у нее не янтарь! – упрямылся Шурик.

– Вика, принеси, пожалуйста, свой камешек раздора, – попросил Павел Николаевич. – Ох и Шурик! Ну и Фома неверующий! Да будет тебе известно, что подделку очень легко узнать. Ну-ка, Миша, подойди ко мне! – учитель что-то шепнул ему на ухо. Миша выскользнул из класса. – Вот вам головоломка. Зная изречение Плиния Старшего, назовите способ, который поможет раскрыть подделку. Древнеримский ученый писал: «Янтарь происходит из сока особых сосен. Если его потереть, он издает запах сосны, а если зажечь, то он издает запах и треск, как все хвойные деревья».

В класс, осторожно неся стакан воды, вошел Миша.

– Ага, подоспел! Спасибо! Пока вы будете думать, покажу вам фокус! – с этими словами Павел Николаевич бросил янтарь в воду.

Как и подобает хорошему пловцу, морской самоцвет нырнул на дно, и медленно всплыл, закачался на воде.

– Ишь ты! Плавает!

– Такой бы поплавок на удочку! – мечтательно сказал кто-то.

– Не пойдет! – возразил учитель. – В пресной воде он утонет. Здесь же вода очень соленая и поэтому очень плотная, она выталкивает янтарь, как соломинку. Поддельный, пластмассовый, гораздо тяжелее, он утонет и в соленой воде. Вот мы и определили подлинность Викиного красавца. Вернемся к нашей задаче. Кто надумал? Может, ты, Шурик, хочешь нас порадовать?

– Знаю, как! Надо его зажечь и определить по запаху!

– Так весь янтарь можно спалить! – усмехнулся Сеня. – Лучше потереть о шерсть, чтоб он нагрелся. Запахнет смолой – значит настоящий.

– Очень хорошо! Ты почти эксперт, специалист по определению минералов! Нашей науке известен более точный, но зато сложный способ различать янтарь не только среди подделок, но даже среди других ископаемых смол. Самоцвет просвечивают инфракрасными лучами, и визитная карточка в виде кривых линий говорит сама за себя. Потому что каждое вещество поглощает лучи по-своему, кривизна линий не повторяется, как, скажем, и отпечатки пальцев. Это так называемая инфракрасная спектрометрия.

– От этих лучей янтарь не портится? – спросила Вика. – Они не разгонят янтарный туман внутри камешка? – Кате хотелось и не хотелось этого. – Вот бы рассеялся! Что-нибудь вдруг откроется очень необыкновенное!

– Нет, эти лучи самоцвету вреда не приносят, но и не помогут пробиться сквозь непроницаемые слои, – учитель подошел к окну.

Пожелтевшие кроны старых лип кружевной шторкой закрывали небо. Оно синело в прогалах, бездонное и беконечное. Стая гусей темной ниточкой трепетала у горизонта. Все новые и новые дали будут открываться им... Да, хорошо бы проникать сквозь покровы и преграды, которыми покрывает природа свои тайны... Павел Николаевич оглядел учеников

и сказал повеселевшим голосом:

– Вот что, ребята, есть у нас возможность кое-что увидеть самим!

«Эдефор»

– А сейчас – практическое занятие. – Учитель открыл шкаф, достал большой серебристый зонт и чемодан. – Кто мне поможет? Миша и Сеня? Мы с Сеней установим излучатель, а Миша смонтирует изоляторы: надо разложить их по номерам!

Павел Николаевич закрепил ножку зонта в чугунной крестовине, нажал кнопку. Раздался легкий щелчок, и зонт покачнулся, стал раскрывать купол, сверкающий белыми искрами. На его внутренней стороне тускло мерцали медные шарики, расположенные концентрическими кругами. По краям зонта повисла бахрома из тонкой медной проволоки. Ее рисунок очень походил на дуги магнитных силовых линий. Под зонтом Миша укладывал белые кафельные плиты-изоляторы.

Это, – учитель поправил бахрому зонта, – подарок моего друга, большого ученого и фантазера. Я пользуюсь установкой, когда мне нужно детально рассмотреть небольшую вещь. Сегодня мы будем разглядывать Викин янтарь, – Павел Николаевич положил его под зонт, накрыл кружком из полиэтилена с привязанной ниткой.

– А куда мы будем смотреть? – спросила Вика. – Где тут

глазок или окошечко?

– Перед вами не электронный микроскоп! Это «эдефор» – электронный трансформатор роста: он уменьшает человека до размеров пылинки.

– Р-раз – и ты лилипутик! – воскликнула Катя.

– Именно так! – кивнул учитель. – Собирайтесь вокруг меня, только поплотнее, и мы начнем трансформироваться!

– А потом мы снова станем большими? – Катя с опаской смотрела на установку. – До кнопок-то будет далеко.

– Ну-у, это совсем простое дело! – Павел Николаевич покрутил маленький штурвал, и в зеленом кружке замелькали цифры —5... 8... 15. – Думаю, четверти часа нам хватит? – И щелкнул тумблером.

Послышалось негромкое гудение. На медных шариках заплясали разноцветные искры, проволоочная бахрома засветилась соломенно-голубым светом. Вика прижалась к подруге, прошептала: «Ну как тебе?» – «Ничего пока!» – ответила Катя.

Раздался мелодичный звон, и все вокруг пришло в движение. Купол зонта, стены, потолок шевельнулись, поползли вверх, вниз, в стороны, увеличиваясь с каждой секундой. Катя с удивлением посмотрела на Вику: Вика все дальше и дальше «отъезжала» от нее, словно на эскалаторе. Под ногами растекалась во все стороны блестящая гладь кафеля.

– Быстро подходите к янтарию! – проговорил Павел Николаевич. – Иначе нас так рассеет, что за день не соберемся!

Но Катя не могла пошевелиться. Такое ощущение бывает во сне, когда летишь в бездонную пропасть и не можешь ни вздохнуть, ни крикнуть. И вдруг стало легко, Катя вздохнула всей грудью.

— Сюда, ко мне! — откуда-то издалека кричал Павел Николаевич.

Катя огляделась, увидела Вику, учителя, ребят, рассеянных по белоснежному волнистому полю, крикнула Вике «Догоняй!» и пустилась бежать к янтарной горе. Ее обогнал Миша, потом Сеня.

Ребята по команде учителя взялись за толстую веревку, дернули, но круг-изолятор стал слишком тяжелым. Подбежали Катя, Вика, еще несколько девочек, и круг, наконец, пополз вниз.

Вот и справились! А теперь вперед, на штурм янтарной горы!

Ребята приблизились к прозрачной стене, отвесно уходившей вверх. Прижав носы к полированной тверди, разглядывали неведомую «землю». Широко расстилались пустынные просторы, освещенные густым солнечным светом. Сверкали рубиновым и желтым огнем округлые валуны. Справа густо переплетались волокна тумана, между «небом» и «землей» повис черный ствол могучего дерева.

— До чего же красиво! — ахнула Вика.

Тут вещи очень интересные и разглядывать их можно часами! — подхватил учитель. — Взгляните, какие глубокие и гу-

стые царапины покрывают эту стену. Это следы полировки, следы войлочного диска. Вот они, правильные концентрические круги! То, что человек видит зеркально сияющим, на самом деле изрезано ущельями и пиками. Причина – в молекулярном строении любого вещества.

– А почему янтарь в одном месте прозрачный, а в другом мутный, туманный? – спросила Вика.

– Вглядитесь попристальнее – из чего состоит туман? – Это же маленькие шарики прилепились друг к дружке! Много-премного шариков! – воскликнула Вика.

– Вот, вот мельчайшие пузырьки газа и пустотки! Они-то и окрашивают янтарь в желтый матовый тон, образуют туманные дымки и тучки.

– Но ведь воздух и эти пузырьки, – Сеня кивнул в сторону стены, – совсем прозрачны!

– Суть дела такова – прозрачен один, два пузырька, но скажи мне, что там, за этими прозрачными шариками? Не видно? Трудно увидеть – их скопилось в этой туманности немало: шестьсот пустоток и пузырьков на одном квадратном миллиметре. Вспомните, как закипает вода в чайнике. Перед закипанием вода мутнеет. Потому что в ней образуются и всплывают тысячи пузырьков газа. То же самое и в тумане. Одна, другая совершенно прозрачные капельки-невидимки собираются вместе, и вот уже парок стелется над землей. Дело в том, что капельки воды или пузырьки воздуха, как маленькие линзы, рассеивают свет во все стороны. Такая же

картина и в янтаре. В костяном, совсем непрозрачном, таких газовых пузырьков девятьсот с лишним тысяч на один квадратный миллиметр!

– Целый миллион! – взглянув на Вику, сказала Катя. – Настоящая муть из прозрачных шариков!

– Кстати, не жаловали мутный янтарь и древние римляне, – продолжил свой рассказ Павел Николаевич. – По словам Плиния Старшего, они использовали его для курений, то есть сжигали в храмах перед алтарями. Ценился у них янтарь прозрачный, гранатовых и золотистых тонов. Видимо, им тоже хотелось видеть его насквозь. В Риме из лучистого самоцвета делали украшения для женщин, статуэтки, флаконы для духов, снадобий, мазей. Ну, а в наши дни художники успешно используют весь янтарь. Поэтому, Шурик, отличаются бусы твоей бабушки от Викиного янтара.

Пока учитель рассказывал, Сеня с трудом взобрался на гладкий каплевидный бугорок. Но тут он качнулся и поехал вниз.

– И здесь забаву нашел! – развел руками Павел Николаевич. – Уж с вами не заскучаешь!

– Сюда! Сюда! – откуда-то сверху позвал Миша. – Пещеру отыскал!

Школьники стали карабкаться вверх. Павел Николаевич едва поспевал за ними.

Пещера была просторной и светлой. На ее сводах мерцали бурые зернистые натеки, под ногами поскрипывали черные

песчинки.

Катя заглянула в какой-то закоулочек, где теплился желтый полумрак, и обомлела. Два огромных глаза неподвижно уставились на нее со стены.

– Ой, что это? – прошептала она.

– Эх ты! – выглянул из-за ее плеча Миша. – Зерна смолы светятся! Нашла чего пугаться... Ты в угол посмотри.

Там, выгнув спину, стояло страшное животное, растопырив лапы и оскалив пасть. Миша подбежал к нему и похлопал по загривку.

– Не дрейфь, это натеки! Каких только зверей тут нет! Смотри – орел! А вот слон уши развесил, жираф опустил голову до самой земли!

– Что я нашел! – услышали они голос Сени. – Наскальные рисунки! Быки и олени, охотники с луками!

Катя с Мишей подбежали к нему.

– А-а! – разочарованно махнул рукой Миша. – Вот придумал! Это же трещины и сколы! Забыл, где находимся!..

– Там чудище!

«Юдище! Чудище!» – подхватило эхо Викин возглас.

Ребята притихли.

– А ну-ка посмотрим! – Павел Николаевич взял Вику за руку и зашагал в глубь пещеры. – Где оно?

– За выступом! – Вика спряталась за учителя.

Павел Николаевич за прозрачным сколом увидел черную голову, огромную и мохнатую. На лбу зазубренные рога,

крючковатый нос высовывается из жесткой щетины, а на обвисших угольно-черных щеках выпуклые глаза! Павел Николаевич даже растерялся. «Что такое? Подобных зверей и не знаю!.. Постой, постой! Да это же муравей! Вот лапки подогнутые, брюшко!»

– Что там, Павел Николаевич, – осторожно спросила Вика.

– Настоящий монстр! – с таинственным видом ответил ей Павел Николаевич. – Называется «муравей замурованный»! Ребята столпились вокруг учителя.

– Ну и кожа у него! Настоящая броня!

– А клещи, клещи! В нашу кузницу не влезут!..

– На лапах крючья!

– Вот бы янтарь увеличить, – мечтательно проговорила Катя. – Все бы приезжали нашего муравейчика смотреть! Давайте?

– Для этого придется создавать другую установку, – возразил Павел Николаевич. – Однако, будем выходить, пора.

Они выбрались из пещеры. У самого входа, на большом плато вздымались окаменевшие барханы, мутно-белые волны дыбились там и сям, словно гонимые знойным ветром.

– Вот он, костяной янтарь! – Павел Николаевич погладил шероховатую поверхность. – Плотный и твердый. Этой стороной, ребята, смоляной ком лежал на ветке, а весь ком медленно двигался вниз – перед вами довольно четкие следы оползания. Другая, прозрачная часть, нагревалась солнцем,

и пузырьки газа успели выпариться, а здесь они слипались друг с дружкой и сделали смолу совсем мутной.

– Смотрите, какая красивая скала! – Сеня дотронулся до нее.

В восковой глубине скалы закручивались спиральные вихри, матово белели слоистые и перистые облака.

– Это один из лучших сортов балтийского самоцвета – дымчатый. Есть еще бастардный янтарь. Он полупрозрачен, по цвету похож на спелое желтое яблоко, иногда покрыт темными пятнами. Бастардный янтарь немного лучше костяного. Но больше всего ценится янтарь прозрачный с золотистым и багряным оттенками. А сейчас – все вниз! Вот-вот начнется ретрансформация, как бы мы самоцвет не раздавили.

– А еще какой он бывает? Вы же говорили – двести сортов! – спросил Миша.

– Дело в том, что от этой давней системы ученые уже отказались. В наши дни деление янтаря по сортам гораздо проще. В соседней с нами Польской Народной Республике выделяют девять сортов. У нас, как и в Германской Демократической Республике, их пять. К тем, что я вам назвал, надо добавить пеноянтарь. Он весьма пористый, почти черный, плохо поддается обработке. Хотя некоторые кусочки балтийского пеноянтаря неплохо шлифуются, полируются и даже ценятся у некоторых любителей.

– Скажите, скоро начнется? – оглядываясь на пещеру,

спросил Шурик. – Мне на минуточку, я ножик там потерял!
– Времени в обрез! – Учитель взглянул на часы. – Уже включился блок возврата. Не успеешь – останешься пылинкой! Ну-ка, все бегом с янтаря!..

Школьники, перепрыгивая через трещины, обходя крутые уступы, заспешили вниз. Шурик нехотя спускался вслед за ними. «Эх, жалко, такой нож с титановой ручкой! А вдруг он начнет увеличиваться? Весь янтарь раскрошит! – Отыскал глазами Вику. —Слёз будет. Так ей и надо! Пусть не задается своим «янтарем».

– Как же мой янтарик? Его не надо накрывать пленкой? – забеспокоилась Вика.

– Да ты не волнуйся! Все будет хорошо, – успокоил Павел Николаевич Вику.

Что-то громко щелкнуло, Вику потащило вверх. Ребята рядом быстро увеличивались, словно из-под земли вырастали. Вмиг стало тесно, кое-кто даже упал.

Шурик стряхнул пыль с одежды, взглянул на янтарь. Он был цел и невредим. «Пропал мой ножичек! Вот если бы встряхнуть!» – он хотел схватить янтарь, но Вика опередила.

– Не трогай, пожалуйста! – строго сказала она. – Я тебя знаю: ты ради своего ножика ничего не пощадишь, весь янтарь расковыряешь!

– А тебе жалко? – буркнул раздосадованный Шурик и нехотя отошел в сторону.

В лесу

..Как только умолкла трель последнего звонка, в класс вошла Людмила Семёновна, учительница ботаники и зоологии.

– Здравствуйте, ребята! Вы не забыли? Сегодня собираем осенний гербарий.

Шурик подхватил портфель, подошел к Вике:

– Смотри, не урони в лесу свой янтарик! Найду – не отдам!

– Ух, какой страшный! – Вика потуже завязала бант и убежала из класса.

Стояла ясная погода. Солнце, синее небо, серебрились в воздухе паутинки, теплый ветерок овеивал лицо.

Веселой гурьбой зашагали ребята к лесу. Проселочная дорога бежала вдоль лесной опушки, постепенно углубляясь в лес.

Лес был пустой и тихий, весь пронизанный солнцем. Но и без птичьего гомона, без веселого трепета упругой листвы, без солнечных зайчиков в зеленом полумраке он оставался живым и могучим. Пряный запах опавшей листвы бодрил, багряно-желтый убор радовал глаз, и густой ельник молодо зеленел маленьким островком лета среди осеннего леса.

Вика незаметно отстала, отошла в сторону. Хотелось побыть одной в тихом, задремавшем лесу. Она перебралась через какую-то канаву, заросшую травой. Может, это была

траншея или ход сообщения – война всюду успела оставить свои следы...

Вика села на край канавы, положила янтарь на ладошку и, тихонько напевая, разглядывала переливы шафранно-желтых бликов. В их плавном, теплом хороводе оживал мурашка, уплывало куда-то облачко, шевелились седые пряди тумана...

Шурик воровато оглянулся и прыгнул в траншею. Пригнувшись – только спина и виднелась над землей – стал подбираться к девочке. «Сейчас цапну камешек и – ходу!» Стараясь не шуметь, он подкрадывался к ней. «Потом спрячусь, пусть поищет, пока ножик не вытряхну». Осторожно выбрался из траншеи. Треск! – будто выстрелила под ногой сухая ветка. Вика вздрогнула, оглянулась. Шурик подскочил к ней, вцепился в ее сжатый кулачок.

– Дай янтарик!

Вика вырвала руку, вскочила и хотела бежать, но споткнулась о ржавую плеть полуистлевшей колючей проволоки. Острый шип впился в ногу, Вика ойкнула и села на землю.

– Попробуй тронь! Не зря за тобой подглядывала! – Катин кулачок замелькал у Шурика перед носом. Девочка подбежала к Вике, помогла ей встать. – Ой, смотри, на ноге кровь! Ну, Шурец, доберусь до тебя!

– А чего? Я хотел, что ли? – он испугом посмотрел на ранку. – Хочешь, до дома доведу?

– Обойдемся! – Катя сердито глянула на него.

В ссоре не заметили, как к ним подошла пожилая женщина. В руке у нее было маленькое ведерко, доверху наполненное алой клюквой.

– Ох, неприятность-то какая, – сочувственно проговорила женщина. – Ну-ка, ну-ка! Потерпи немножко, – она поставила ведерко – несколько клюквин просыпалось в траву. Женщина взглядом окинула поляну, подошла к кустарнику, сорвала какую-то травку. – Вот он, кровавник. – Она размяла мелкие зазубренные стебельки тысячелистника, приложила к ноге и обмотала платком. – Теперь на поправку пойдет, – улыбнулась она. – А ты, пока ранка затянется, у меня дома можешь посидеть, тут близко, рукой подать.

– Спасибо, тетенька, – сказала Вика. – Да вот гербарий собирать надо.

Иди, иди. Что я, не соберу? – Катя даже рассердилась. – И ты, Шурец, поможешь!

– Да мне что, я не против...

– Вот и хорошо! А ну-ка, ребятишки, угощайтесь клюквой – полезней ягоды не сыскать!

– Не-е, кислая, – сморщилась Катя. – Если б с сахаром!

– Ишь как! В гости приходите – угощу с сахаром!

– Ой, нет, спасибо! – смутилась Катя. – Мы спешим. До свиданья!

– До свиданья! – Женщина поглядела на Викину ногу. – Пойдем потихоньку? –__

– Пойдем. Хорошо, не потерялся мой желтенький огонек, – Вика разжала кулак и глянула на свой самоцветик.

– Вот уж не ожидала – янтарь в лесу увидеть!

– Это мне папа подарил! – Алатырь-камень, так его на Руси называли. В старой сказке в Голубиной книге рассказывается о том, как русский царь спрашивал мудреца, откуда солнце, откуда месяц, земля и народы? Которая рыба всем рыбам мать, который зверь над зверями зверь, который камень всем камням отец? На все вопросы ответил мудрец и на последний тоже. Алатырь-камень, говорит, всем камням отец, потому что солнцу красному брат родной. Верили люди в его волшебные свойства, в тайную силу...

Они медленно шли по извилистой тропке. В двух шагах от тропки уходил вниз покрытый желтым листом склон овражка. На дне, меж поваленных стволов, бархатно-черных коряг и густых зарослей папоротника-щитовника поблескивала светлая вода сонного ручейка. Пахло грибами, горькой осиновой корой, холодной сыростью...

– А вот и наше лесное жильё! – женщина указала на бревенчатый дом.

Внутри было тепло и уютно. Пестрели на полу цветные дорожки, в углу громоздилась русская печь, окна пылали геранью. Полки с книгами занимали полстены. Под потолком – пучки трав. Весь дом пропитан их запахом.

– Ты проходи, девонька, садись! – снимая сапоги, пригласила женщина. – Сейчас печь затопим. Муж придет – обсу-

шится... Сыровато в лесу. Как же зовут тебя, синеглазая?

– Вика.

– Вика-повилика. Чья ж ты будешь? Не Фроловых ли дочка?

Фроловых!

– Знаю, знаю. И отца твоего и мать. Хорошие люди. А меня Полиной Андреевной зовут, проще – тетя Поля!

– Хорошо у вас, тетя Поля! – Вика сняла туфли, по мягкой дорожке прошла к окну.

– Чем же угостить тебя, Повилика? Возьми-ка медку к клюкве.

Она достала из шкафчика деревянное блюдо, на котором темнели нераскрытые пчелиные соты. Отрезала кусочек, положила на блюдце.

Вика хотела отказаться, но рука сама потянулась к лакомству.

Откусила краешек душистого знойно-сладкого воска. В горле запершило, и Вика закашлялась.

– Слабенькое у тебя горло. Правду сказать, и мед – ядрен!

Вика вытащила из кармашка янтарик, положила его на стол. Ей вдруг захотелось рассказать Полине Андреевне о необычной прогулке по янтарию, о пещере, скрытой в его буровой корочке. «Нет, не надо, не поверит мне тетя Поля, начнет подтрунивать. Пусть будет моей тайной. Но разве это тайна, если она известна всем ребятам пятого «а»?

– Тетя Поля, вы только не смейтесь, это взаправду было.

Мы всем классом в янтарики бегали.

– Как же вы ухитрились? – заинтересовалась Полина Андреевна и вокруг ее глаз появились лучики веселых морщинок.

– Волшебный аппарат помог – сделал вот такусенькими, – Вика почти соединила большой и указательный пальцы. – Янтарь сделался целой горой! – и Вика рассказала все по порядку.

Полина Андреевна слушала не перебивая, лишь изредка поддакивая. В этой сказочной избушке, притаившейся среди леса, самое, невероятное казалось правдой.

– Ой, ну и муха же я зевуха! – Вика всплеснула руками. – Думала воск уронила, а это мой янтарик лежит.

– Перепутать не трудно... В старину так и думали, что это застывший воск древних пчел...

– Древних-предревных?..

– Многие народы знали этот самоцвет, и всяк по-своему называл, – неторопливо заговорила Полина Андреевна. – У древних греков он – электрон. В Персии – кахруба, что значит «похититель соломы». Заметили персияне, что сухие травинки к нему прилипают, дали такое имя. Русские в старину называли его алатырь и «морской ладан»... верили, что он волшебный!

– Так и знала! – Вика обрадованно захлопала в ладоши. – Если желание загадать – исполнится?

– А ты попробуй! Но думаю, не в этом его волшебство.

И не в том, что от болезней будто бы лечит – от слабоумия или там от зоба... Красотой он пленяет. История его интересна, легенды о нем сложены увлекательные...

– Теть Польш, откуда вы все знаете?

– Читаю, интересуюсь...

В окошко звонко стукнули крупные капли неведь откуда налетевшего дождя. Зашумел лес, качнули тяжелыми лапами ели, словно переступили с ноги на ногу. Зябко затряслись осинки, потрянул желтой кроной дуб, растущий у самой избы. Березовый лист прилип к окну, вцепился в стекло мелкими зубчиками, загляделся на теплые блики огня. Но ветер рванул его за выгоревшую рубашку, оторвал, унес куда-то...

– Ох, накатило-таки ненастье! Заплакала осень...

– А ребята в лесу, и Людмила Семеновна!..

– Ну, спрячутся под елью, не пропадут. До села рукой подать, чего бояться? А ты посиди еще. Нога-то как, не болит? Дергает немножко? Ну и сиди. Куда в такую мокреть вышагивать?..

– Пережду, – согласилась Вика. – Вы говорили, что легенды есть про янтарь разные. Расскажите какую-нибудь, пожалуйста!

Быль-небылица

Полина Андреевна присела к столу, разгладила складки на скатерти, повела рассказ.

– Много их в народе, преданий да сказов. Вот хотя бы этот.

...В одном древнем куршском племени жил юноша. Был он, как и все курши, предки латышей, высок, белокур, синеглаз. А уж отваги в нем и силы! Надо сказать, что племя поселилось у самого моря. Мужчины ловили рыбу, делали лодки, женщины домовничали, янтарь собирали. Много в те времена его на берег выносило. Жили не бедно и не богато. В будни трудились, по праздникам веселились. Показалась такая жизнь юноше скучной: подвигов и славы хотелось, чтоб песни о нем пели. И решил он в чужих краях поискать славы и счастья.

Стал собираться в дорогу. А невеста его, девушка славная, на тебя похожая, как услышала про разлуку – загрустила, затосковала. Чувало сердце – надолго расстанутся, может, навсегда. Пошла девица к старой ведунье, рассказала про свое горе. Покачала та головой: ...«Нет, душа, силы такой, чтоб горячую голову остудить, от мечты отворотить!» – «Бабушка, милая, ты же все можешь!» – «Смогла бы, да вот беда: нет его здесь, мысли, душа далеко умчались, не догнать их моим слугам!» Плачет девица горячими слезами, свет ей не мил. Говорит тогда ведунья: «Как удержать – не знаю, а как воротить, коли жив будет, – подскажу. Ступай на берег, поведай морю свою печаль. Выбросит оно прозрачный янтарь с затейливым рисунком – возьми его и дай любимому в дорогу! Будет он охранять суженого от болезней, от колдовства оградит и о тебе напомнит».

Вышла девица на берег, сказала морю про свою печаль,

помощи попросила. Взыграли тут крутые волны, заволновалось море, заворочалось в песчаных берегах. Поднялась седая волна, окропила девицу горькими брызгами, омочила босые ноги студеной водой и отхлынула. Затеплился, залучился на песке приворотный янтарь – такой, каким в мечте своей видела. Смотрит девушка – глаз не отведет! Будто нарисован кем-то знакомый уголок родной сторонушки. Крутая волна, белая от пены, нависла над берегом. Вот-вот ударится оземь, забурлит, растечется шипучими ручьями. Высятся над морем желтые дюны, в тумане проступает далекий лес, бронзовые сосны столпились у самого моря. Желто-багровое небо освещено утренним солнцем – выглянул из-за горизонта его раскаленный диск... Завернула находку в вышитый платочек, подарила юноше. «Храни его в дальней дороге. Не простой это камешек – в нем любовь моя горькая и верность. А еще память о земле нашей милой!» С усмешкой принял юноша подарок. Весь мир перед ним... Что ему под&рок бедной девушки! Вскочил на коня и умчался.

Год прошел, другой, третий. Стал наш юноша славным воином, в сражениях был отважен и умен. Много, много кровушки своей горячей пролил за чужих королей. Враги говорили о нем с трепетом, друзья с похвалой.

– Не вернулся он все-таки!..

– Ты слушай, не спеши! Хотя и забыл он об амулете, но всегда тот при нем находился. Вот однажды устроил юноша в своем доме богатый пир: большую победу войска одер-

жали, король на радостях пожаловал ему княжеский титул. Веселятся гости, молодой князь за первой красавицей ухаживает, ни на шаг от нее не отходит. «Слыхала, – говорит красавица, – талисман у вас есть, символ вашей дикой родины. Говорят, вы с ним не расстаетесь?» Вспомнил юноша о янтаре. Встало перед его взором синее, в белых барашках море, сосны на желтых дюнах, будто в дымке увидел полузабытую невесту. Забилося сердце от неясной тревоги, на лице выразилось смятение. «О-о, дивной силой наделен ваш талисман. Далеко от меня уводит князя, туманит его взор тоской-кручинушкой! – с досадливой усмешкой молвила красавица. – Прощайте, негоже докучать вам в такую минуту!» – «Постойте, что из-за пустяка-то ссориться!» Князь вынул янтарь, и в окно, в темную ночку зашвырнул. Думал, навсегда от подарка заветного избавился...

– Не нужна ему бедная девушка! – совсем опечалилась Вика.

– Да-а, – вздохнула Полина Андреевна. – Не все так в жизни выходит, как нам иногда хочется. – Она встала, подошла к печке, подкинула дровишек и снова села к столу.

– Долго ли, коротко ли, а пресытился наш князь победами да битвами, наградами да пирами. Грусть беспричинная беспокоить стала, тоска неясная смущала в самый разгар буйных пиров. Словно утратил он самое дорогое в жизни. А что – никак вспомнить не мог. Как-то раз, удрученный и грустный, вышел он в сад на цветы поглядеть, птиц послу-

шать, вольным воздухом подышать. Сел на скамейку, за садовниками поглядывает, как те цветы обхаживают – подрезают да землю вокруг рыхлят.

Денек выдался погожий, теплый. Пчелы жужжат, пестрые бабочки хороводы водят, птицы на разные лады щебечут. Только не весело князю. Не может он вспомнить, что у него самое ценное в жизни. Окуталась память густым туманом. Едва видны в нем зыбкие очертания пустынной земли, песчаные дюны, седое, беспокойное море; встают перед ним полузабытые лица; невнятные, полные грусти голоса зовут куда-то... Силится он и не может понять, к чему они, эти видения, о чем... Изводится, тоскует, а напасть эту никак не одолеет.

Сидит он так в светлом саду, кручинится, буйную головушку чуть не до земли опустил. Вдруг видит – блеснуло что-то под кустом. Будто маленькое солнышко в траве запуталось, никак не взойдет. Подошел князь, нагнулся – янтарь. Тот самый, дареный! Взял в руки да и глаз оторвать не может. Смотрит на него – и печаль глухая, думы тяжелые и сомнения в медовой глубине камня тонут. Чувствует князь, как освещается его душа. Вдохнул вольно; легко и радостно ему стало, будто деревья раздвинулись, небо поднялось выше и пеночка запела веселей.

– Вспомнил он девушку, правда? И вернулся? – Викины щеки вспыхнули радостным румянцем.

– Ох, какая пряткая! Ты слушай, не перебивай!

– Смотрит он на подарок – ясно слышит плеск волны и протяжный голос ветра, и тихий шорох песка. Песни слышит, те, что пели друзья-рыбаки, выметывая невода в морскую пучину, и те, что пела мать ясными вечерами. Защемило в груди, слезы подступили к глазам. Вспомнил он, что у него самое ценное в жизни: родная сторонushка и старушка-мать, и девушка, чьи косы золотистей янтарного талисмана. Вскочил на коня да и вернулся к себе домой!

– А если б не талисман?

Полина Андреевна помолчала, пригладила волооы.

– Ты на себя прикинь: проживешь без отца-матери, без друзей?..

Никогда! – Вика даже зажмурилась, так ей стало страшно. – Ни за что на свете!

– То-то! – Полина Андреевна глянула Вике в глаза. – Нельзя от Родины оторваться, Отчизну забыть! Где бы ни блуждал человек, как бы далеко не забрел, а все ж не рвутся незримые корешки, питают особой силой, бередают, зовут назад. Ты, я, все мы разве не частичка полей, лесов наших, неба? И в каждом из нас крупица Родины. Глаза у тебя вон какие синие: как роднички в погожий день!..

– Расскажите что-нибудь еще!

Приятно было сидеть в теплой комнате, слушать, как гудит в печке огонь и постреливают дрова... Смотреть на сияющие за окном сумерки и есть пахучий мед.

Всего в один раз не перескажешь! Да и мать с отцом, поди,

заждались тебя. А ко мне прибегай, как найдется минутка.

Акварельный рисунок

Дома никого, кроме младшей сестренки, не было. Аленка оставила своих кукол, подбежала к Вике.

– Ходишь, ходишь, а мне одной страшно! Кушать будем!

...После ужина Аленка, мурлыча песенку, начала баюкать своих кукол, а Вика села за уроки. Она долго билась над задачами, потом сделала упражнение по русскому.

«Как поживает смоляной комочек? Скучает один», – она положила его на стол, поближе к лампе, и он наполнился темным светом. Казалось, надрежь буроватую корочку – брызнет из него искристый сок. «Какой он все-таки красивый! Так и хочется нарисовать!.. А вдруг получится». Достала альбом, акварельные краски, кисти. Карандашом очертила контур. Пристально вглядываясь в янтарь, попыталась ухватить главное, его суть...

– Ты – маленький комочек огня! – прошептала она и шевельнула камушек. – Вот искорки живые бегают, вспыхивают то тут, то там... А вот будто капелька катится. А на самом деле она давным-давно застыла кругленьким натеком... Непросто будет тебя нарисовать!

Она обмакнула кисть, развела краску, порисовала немного. К ней подошла Аленка, положила руки на стол, нахмурила брови.

– Чего ты рисуешь?

– Не видишь что ли – янтарь...

– Желтенький, как тыква! Дай камушек!

Аленка привстала на цыпочки, потянула его к себе. Лизнула языком, посмотрела на свет, прижала к уху.

– Вот придумала! Что это тебе – телефон?

– Там муравейник! Он лапками скребется!

– Он давно спит – забрался в уголок и посапывает.

– Знаю, знаю! Он ворочается во сне!

– Ворочается, так ворочается... Положи янтарь и иди к своим куклам!

Вика обмакнула кисть, добавила в акварель немного красного цвета... Опять не то... Получилось румяное яблоко. Вика внимательно оглядела янтарь. Оказывается, его шероховатая корочка имеет множество оттенков. Переходы были почти неуловимы, один цвет сливался с другим. Карандашными линиями она наметила границы тональных полей, принялась заполнять их легкой акварелью. Этот, подковкой, – желтой краской, треугольник – светло-коричневой, а поверх – немного оранжевой. А вот сюда – зеленой.

Хлопнула входная дверь. Аленка встрепенулась, с громким криком: «Папуля!» – побежала в прихожую. Вика прислушалась. Наверно, Аленка будет просить у отца Лисичкин хлеб. Так и есть!

– Вика, чего к нам не выходишь! – позвал отец.

– Она янтарь рисует!

– Ну-ну, пусть трудится! Пойдем Лисичкин хлеб с моло-

ком есть!

Вика вздохнула. Хотелось посидеть со всеми, послушать разговоры про колхозные дела, и рисовать хотелось, и спать тоже хотелось! «Нет уж – надо закончить рисунок», – приказала она себе.

Янтарик получался пестрым, как костюм у клоуна. Она поморщилась: «Какой-то он у меня... Как будто сухой, как будто простой желтый камень... А почему? Ну почему же?» – Вика потерла лоб, размазав по нему желтую краску. – «А-а-а! Он же у меня совсем непрозрачный – глухой! Как. колода! Вот он секретик, вот он ответик!» – пропела она.

Вика повернула янтарь, чтобы сквозь полированный край была видна его глубина, взяла чистый лист бумаги, Непросто перевести в рисунок очарование этого самоцвета, многозвучную гамму мягких тонов и легких теней. Но рисунок все-таки получался! Была в нем и буроватая корочка, и полированная, пронизанная светом, гладь, и глубина, в которой таилась сказка. Но не хватало еще одной, очень важной детали... Вика тонкой кистью подрисовала легкую, едва уловимую тень. Желтым сполохом сверкнуло изображение, будто от янтаря полилось сияние.

– Краси-и-во! – услышала над ухом голос Аленки.

– Да, хорошо, – согласилась Вика. – Пойдем покажем рисунок папе. Завтра в школу понесу, если ему понравится!

На «Киньлокше» в глубь веков

Важное решение

Утром Катя зашла за Викой.

– Как твоя нога?

– Зажила!

– А мы вчера как припустили от дождя, и Людмила Семеновна с нами! Промокли до нитки!

– А меня тетя Поля медом угощала... а легенду я какую от нее слышала... О древних куршах, что жили когда-то на этой земле. Я тебе потом перескажу!

– Ой, подождите! – их догонял Сеня.

Из его портфеля неслась писклявая музыка.

– Музыкальный портфель! – хихикнула Катя.

– Вчера собрал! Всю канифоль сжег, – сказал Сеня горделиво.

– Вчера? Да ты его с четвертого класса носишь!

– Я про транзистор! Три программы берет! – он открыл портфель и выключил приемник.

– Пусть поиграл бы... – попросила Вика.

– Экономия: вчера вечером целый час слушал.

– Хоккей? – Катя иронически улыбнулась.

– Какой тебе хоккей! Про янтарь передача была. Он, оказывается, не только у нас на Балтике водится. На Таймыре тоже нашли. Таймырский еще древнее нашего! На десять

или двадцать миллионов лет! Зато наш лучше вызреть успел.

– Он что, как яблоки? – вмешалась Катя.

– Разный бывает! В Африке и в Новой Зеландии находят копал, есть такая ископаемая смола. Темная, почти черная, и хрупкая. Незрелая потому что – ей всего миллион лет. Вот полежит в земле десять-двадцать миллиончиков, может, и станет янтарем, таким, как наш, балтийский!

– Так долго-о? – удивилась Вика.

– Помидор и то целый месяц краснеет, а это смола!..

– Это еще для того, чтоб он никогда не кончался, – предположила Катя. – Чтоб всем-всем хватило!

– Не бойся, не кончится, – отмахнулась Вика. – В магазине тебе, что ли?

– Может, когда-то и кончится, – пожал плечами Сеня. – Раньше, вон, такие янтарные бури бывали! В 1878 году весь пляж после шторма был покрыт толстым слоем янтаря. А теперь?

– Сейчас бы нам такую бурю! – вздохнула Катя.

– А я ее вижу! – отозвалась Вика. – Сосны гнутся от ветра, волны до самого неба, а на песке груды янтаря, и вокруг них красноватое марево струится...

– Так и было! – согласился Сеня. – Ты бы нарисовала, ты же можешь...

– Не знаю... Вчера рисовала свой янтарик...

– Нам покажешь? – попросил Сеня.

– Вика поставила портфель на траву, достала альбом.

– Ты знаешь – похоже! Как настоящий! – одобрил Сеня.

– Видно, что прозрачный! – восхищалась Катя. – Тень тоже прозрачная! Красиво!..

– Давай в классе повесим! – предложил Сеня. – И бурю янтарную нарисуй, как сейчас рассказывала. Получится маленькая выставка о янтаре.

– Какое там! – Вика залилась румянцем. – Про янтарь, знаешь, какой должна быть выставка? Редкие старинные вещи, диковины, красивые куски самоцвета солнечного... Вот если б разузнать побольше, легенды всякие, сказания собрать...

– А давайте, – решительным тоном сказала Катя. – Ты легенду Полины Андреевны запиши, она же интересная? Да я сама ее перепишу в альбом, а ты рисунки сделаешь, как в настоящей книжке.

– Правильно, правильно! Для начала этого хватит. Разыщем что-нибудь. Схемы разные из истории янтаря, книги. Мало ли что можно придумать! – Сеня оживленно жестикулировал. – Павел Николаевич поможет, он наверняка знает о нем много интересного!

– Надо с ребятами поговорить... Думаешь, все согласятся?

– Согласятся! Вон Миша идет, Миш, Мишка! – обрадовался Сеня. – Есть важное дело!

Миша подождал, пока проедет грузовик, подбежал к ним.

– Слушай, мы вот что придумали, – волнуясь, заговорил

Сеня. – Музей янтаря организовать. Как ты на это смотришь?

– Я как все! – взлохматив соломенные волосы, ответил Миша. – А что надо?

– Для начала расскажем Павлу Николаевичу, – Вика уже забыла о своих возражениях. – Наша затея должна ему понравиться. Он еще что-нибудь интересненькое придумает.

Скачок в неведомое

Павел Николаевич внимательно выслушал Сеню, снял очки, неторопливо протёр их:

– Дело вы задумали полезное, но и чрезвычайно трудное! Это хорошо, что вы увлеклись янтарем, я, конечно, помогу вам, – учитель надел очки, оглядел ребят. – Для начала давайте решим такую задачу – надо побывать в далекой эре, самим взглянуть на янтареносные леса.

– Ого, разве это возможно! – усомнился Миша.

– Пешком туда не пойдешь, – поддакнула Вика. – Да и самолет не поможет!

– А вы не спешите, подумайте! Внутрь янтаря мы ведь проникли?.. А вдруг найдется способ? – В глазах Павла Николаевича блеснула хитринка.

– Что-нибудь такое, как волшебный зонт? – догадалась Катя.

– Не совсем! Нам придется передвигаться по суше, воде и по воздуху, но сначала надо проникнуть в интересующую

нас с вами эру!

– Я знаю! Нужна машина времени на колесах. – Миша закрыл глаза, пытаясь представить ее конструкцию. – Будет у нас такая техника.

– Должна быть, – поддержал ребят учитель. – Предполагаю, что мой приятель-ученый не останется в стороне. Как-то я видел у него чертежи любопытного летательного аппарата.

Несколько дней мальчишки ходили озабоченные, о чем-то шептались, куда-то таинственно исчезали, носили листы жести, краску, мотки проволоки. А на почту стали приходить посылки в необычной гофрированной упаковке из голубовато-белого металла. Если Катя или Вика пытались расспрашивать, мальчишки охотно объясняли, чем мопед отличается от ракеты или почему катер на подводных крыльях не летает. Но о своей работе не говорили ни слова. «Катенька (или Вика), – вежливо заканчивал разговор кто-нибудь из ребят, – ваше дело консервы да концентраты в дорогу готовить. Когда можно будет – скажем!»

И вот после уроков Миша отозвал девочек в сторонку, а Сеня торжественно объявил:

– Экспериментальный трансконтинентальный вездеход-векоход готов! Быстрее молнии пробьется он сквозь эпохи, помчится по суше и по воде, как птица, взойдется в небо. Ядерный двигатель с нейтронной приставкой работает безотказно, запас топлива неисчерпаем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.